

«Растекаться мыслью по древу, — пишет М. Халанский, — значит разбегаться мыслью по гуслям, по струнам, соображая слова песни и мелодию, и беря первые аккорды, как поют теперешние бандуристы. „Скача, славлю, по мысленну древу“ характеризует самую игру на гуслях нашего певца-соловья сравнением быстроты и ясности переборов по струнам с пляской вещих перстов на гуслях: скача, т. е. пляша, соловей, по гуслям».⁵

Что слово «древо», или дерево, и даже доска служили порою метафорой струнного музыкального инструмента, легко убедиться по давнему русскому фольклору, в котором гусли иногда называются «доскою гусельною». Например:

Поднеси-тко мне-ка платье скоморошкино,
Принеси-тко мне доску гусельную!

или

Ты свет государыня моя матушка!
А дай-ко мне доску гусельную.⁶

Гусли на немецком языке носят название «Hackbrett».

Несмотря на убедительный материал в пользу гуслей, мы склонны под «мысленным древом» «Слова» понимать не гусли, а южную лютию. Название этого струнного щипкового музыкального инструмента в переводе с арабского языка буквально значит «дерево».⁷ Лютия из древнего Египта попала в Финикию, Малую Азию, Иран, Аравию, в арабские страны, на Кавказ, к славянским народам Балканского полуострова и в места, прилегающие к Черному морю.⁸ Если вспомнить, что на стенописи южной башни Софии Киевской изображен музыкант, играющий на лютиноподобном инструменте, который Н. П. Кондаков⁹ считал бандурой, то можно предположить, что «мысленно древо», на «живая струны» которого «вскладала своя вѣщія прѣсты» Боян, была лютия, впоследствии превратившаяся в бандуру или кобзу (греческая «пандура», турецкая «кобуц»).

Смущающие Н. М. Егорова образы «сѣрого волка» и «шизого орла» — попросту уподобления песнотворчества в древности. Как известно, эти образы были эмблемами Аполлона-кифареда (Аполлона-Люция греков и Аполлона-Сорануса римлян). Эти метафоры, конечно, были известны высокообразованному автору «Слова».

Толкования слов «древо» и «мысль», предложенные М. Халанским, тем правдоподобнее, если вспомнить, что в «Слове» неоднократно показан процесс пения и игры Бояна на струнном инструменте, но сам инструмент прямо не назван.

Предложенную М. Халанским аналогию игры на струнном инструменте древности с игрой на бандуре мы считаем очень удачной. Кто наблюдал начало игры на бандуре одиночных бандуристов или кобзарей и лирников на лире, тот мог убедиться, что они перед началом пения несколько мгновений сосредоточенно смотрят на свой инструмент, а слепые музыканты поднимают свое лицо к небу, затем начинают перебирать струны («скача, славлю, по мысленну древу») и тогда лишь начинают петь.

⁵ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке, стр. 216.

⁶ А. С. Фамицын. Гусли — русский народный инструмент. СПб., 1890, стр. 17.

⁷ БСЭ, изд. 2, 1954, т. 25, стр. 569.

⁸ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. 1. Л., 1928, стр. 58.

⁹ Русские древности, вып. IV.